

«КАК СТАНОВИЛИСЬ НА НОГИ И КАК РАЗУЧИЛИСЬ ХОДИТЬ»

В этом году Ирина Марковна Попова празднует свой 75-летний юбилей. Редакция «Социологического журнала» сердечно поздравляет ее с этой датой и желает отличного здоровья и успешного осуществления всех творческих планов. Предлагаем вниманию читателей интервью с Ириной Марковной, в котором она рассказывает о своей профессиональной деятельности в науке¹.

По традиции наш первый вопрос о ваших родителях, семье, в которой выросли.

Родилась я в Ростове-на-Дону. Отец мой, Попов М. А., и мать, Астахова В. Н., имели инженерное образование, были химиками-технологами. Папа начинал с должности сменного инженера, а незадолго до войны занимал пост главного инженера крупного комбината в Краснодаре. Родители относились к новой советской интеллигенции, были из «рабфаковцев». Это слово я впервые «выловила» еще в раннем детстве из семейных разговоров. Они были вполне преданными советскому строю людьми, сформировавшимися в атмосфере товарищества и взаимной поддержки. Да и как могло быть иначе! На фотографиях, запечатлевших маму и ее подруг, «девочек», живших в общежитии в одной комнате с ней, было не меньше 10–12. Как видно, быт располагал к коллективизму. Надписи на фотографиях, сделанные всеми участницами группового портрета, свидетельствуют не только о чувстве товарищества, но и об оптимизме, уверенности в своем будущем.

После недолгой работы в Ростове отец был переведен в Харьков. Здесь в 1938 году я пошла в школу. С этим периодом у меня тоже связана «знаковая» фотография. На ней отличники первого класса запечатлены на фоне стенда, посвященного детским и юношеским годам Сталина. На стенде большими буквами написано: «Будем такими, как Сталин!» Еще некоторые штрихи из моего детства, чтобы яснее стало, в какой атмосфере я росла. И в Харькове, и в Краснодаре

¹ Интервью подготовлено Н. Я. Мазлумяновой.

мы жили на окраинах, в так называемых «рабочих городках». «Городки» — это несколько домов, построенных для работников завода, где жила основная масса работающих на соответствующем предприятии, начиная с директора и кончая уборщицей. Здесь же были и общежития, в которых жили молодые рабочие, не имеющие семьи. Я общалась с самыми различными ребятами, которые никогда не выделяли меня как принадлежащую к «начальствующей семье». Может поэтому я и сейчас чувствую себя вполне комфортно с «простыми людьми» и категорически не приемлю иронический смысл, который зачастую придают термину «простой советский человек». Крайне возмущает меня и снобистский «совок». Глубоко уверена, что интеллигентность означает, в частности, способность с почтением и доброжелательностью относиться к любому человеку, как бы «прост» он ни был.

Перед самой войной отца назначили (возможно, выбрали) секретарем Краснодарского горкома КПСС. Помню, что он не хотел уходить с производства. Компромисс состоял в том, что его сделали секретарем «по промышленности», и, по свидетельству старших, в кабинете его было не застать, он все время находился где-то на заводах. С начала войны отец был одним из организаторов партизанского движения на Кубани и погиб в 1942-м.

Где вы получали высшее образование, как прошли ваши студенческие годы?

Школу я окончила в 1948 году в Краснодаре с золотой медалью и в этом же году поступила на философский факультет Ленинградского университета. Тогда это не требовало больших материальных затрат. Жила в общежитии, в основном на стипендию. Время от времени мама присылала мне небольшие деньги, которые получали за отца. Скромность в одежде, неприязнательность в быту не осуждались и не мешали поддерживать добрые отношения с теми, кто был более обеспечен и располагал другими ресурсами. Однако таких насчитывалось немного.

Первые впечатления от Ленинграда, студенческая жизнь, новые друзья и обилие неизвестной ранее информации — все это захватывало. Правда, запомнились лекции не столько непосредственно по специальности (в дипломе указано — «преподаватель диалектического и исторического материализма и истории философии»), сколько по истории, которые читали замечательные специалисты: Древнего Востока — Кацнельсон, Античности — Калистов, Средних веков —

Гуковский. Из собственно философских курсов наибольший интерес вызывали лекции Виктора Александровича Штоффа, а позже — Василия Петровича Тугаринова. Совершенно не впечатляли лекции и занятия по историческому материализму. Я даже не помню, кто нас знакомил с данным предметом. Этим объясняется, очевидно, то, что я изменила своим школьным интересам, в центре которых был человек и место человека в обществе. Собственно говоря, из-за этого и пошла на философский факультет. В старших классах школы у нас была замечательная преподавательница по литературе, Людмила Яковлевна Покровская, — бывшая слушательница женских Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге. Она привила нам любовь к русской истории и литературе, увлекла пафосом декабризма и народничества, учила проникать в глубину литературных образов и авторского замысла. Я бесконечно благодарна ей за то многое, что она нам дала. Под ее влиянием мы (три неразлучных подруги) и отправились в Ленинград, о котором Людмила Яковлевна также много рассказывала. Но на факультете я не нашла ответа на вопросы, которые меня волновали, того, что составляло предмет моего юношеского интереса. Думаю, в этом повинен был догматизм и бесцветность преподносимого нам «истмата». Диплом я писала у Виктора Александровича Штоффа — специалиста по методологии науки и философским вопросам естествознания. Диплом был посвящен проблеме соотношения абсолютной и относительной истины и написан на материале истории естествознания.

Что вы можете сказать об атмосфере, которая царила тогда на философском факультете? Чем еще, кроме учебы, была наполнена ваша студенческая жизнь?

Атмосфера была противоречивой. С одной стороны, озабоченность общественными, а точнее, коллективными интересами. Осталась память о студенческой дружбе и товариществе, о заинтересованности в судьбе страны и каждого из нас. Мы занимались спортом, художественной самодеятельностью, которая порой достигала уровня профессионального. На факультете проводились очень интересные вечера, к которым мы тщательно готовились. В воскресные дни мы часто выезжали в живописные пригороды Ленинграда, вместе ходили в Филармонию и театры. Знакомиться с ленинградскими достопримечательностями нам, провинциалам, помогали наши сокурсники-ленинградцы. Мы знали о бедах наших товарищей по

группе, старались помогать друг другу. Сейчас, работая со студентами, я недоумеваю: как можно, чтобы кто-то по месяцу не ходил на занятия, а его товарищи по группе понятия не имели, в чем дело, нужны ли помощь и поддержка. Поистине — другая эпоха!

В одно время со мной на разных курсах училось много интересных людей, с которыми доводилось общаться. Из хорошо известных социологам назову Володю Ядова, Роя Медведева, Инну Рывкину, Веру Водзинскую, Андрея Здравомыслова, Юру Красина, Борю Парыгина, Аллу Русалинову. С каждым из них в большей или меньшей степени я поддерживала контакты и в дальнейшем. Хорошей школой товарищества было участие в строительстве межколхозных ГЭС. Мы добровольно ехали туда. Более того, брали не всех, особенно тогда, когда работа на строительстве совпадала по времени с учебой. Я, например, была в составе отряда, который строил Михалевскую ГЭС в сентябре—октябре 1949 г. Была северная осень. Временами шел мокрый снег. Наши вещи не просыхали, а порой покрывались ледяной коркой. Отогревались и сушили вещи у костров. Выполняли самую тяжелую физическую работу: таскали на носилках мешки с цементом, вручную трамбовали цемент. Техническое руководство было бестолковым, иногда приходилось переделывать работу либо заново начинать на новом месте. Но мы не роптали, жили дружно, пели песни, переиначивая слова: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов и как один помрем в борьбе за это» или (когда приходилось засыпать только что вырытый не в том месте котлован): «А это был не тот котлованчик...» Мы постоянно поддерживали друг друга: делились сухими вещами, старались облегчить работу другого, если видели, что она слишком трудна. Понятно, что заработной платы нам не полагалось. Пафос строительства определялся тем, что нужно было помогать стране, разоренной войной. Бригады в осенний период были межфакультетскими. Бригадиром нашей, краснознаменной философско-журналистской, был Юра Красин. Там подружилась с Ирой Дементьевой и Адой Луговцевой, ставшими впоследствии известными журналистами.

Так в чем же состояла противоречивость атмосферы, о которой вы упомянули?

До сих пор я говорила о том, что было «с одной стороны». С другой — тяготили не только бытовые условия, которые были нелегкими, особенно для проживающих в общежитии. Значительно тяжелее

было то, что с первого года нашей студенческой жизни мы попали в атмосферу непрерывной борьбы с инакомыслием. Мы узнали, что перед нашим поступлением в университет репрессировали бывшего ректора профессора Вознесенского, которого все уважали и ценили. Первая лекция, прочитанная нам, посвящалась борьбе с вейсманистами-морганистами, потом началась борьба с «безродными космополитами». Некоторые из них были преподавателями нашего факультета и, по свидетельству старшекурсников, совсем неплохими, в чем нам не удалось убедиться, так как с преподавательской работы они были изгнаны. Затем нас всколыхнуло знаменитое «Ленинградское дело» и, наконец, перед самым завершением учебы в университете — известное «дело врачей».

Время от времени мы узнавали о различных «вредных кружках» на факультете, исчезали некоторые наши студенты, на комсомольских собраниях рассматривались персональные дела тех, кто во время поступления скрыл, что отец был в плену или репрессирован. Зачастую это были люди, к которым я относилась с большой симпатией и которым доверяла. Поэтому признать справедливость принимавшихся мер мне было нелегко. Для меня то время связано с серьезными нравственными испытаниями, мучительной внутренней борьбой. Дилемму — ни при каких обстоятельствах нельзя врать (кантовская заповедь!), но и сказать правду нельзя — приходилось решать каждому из нас.

Но до сих пор я четко различаю «советский официоз» и те отношения, которые были характерны для «обычной», повседневной жизни, обыденных взаимоотношений. И именно эти взаимоотношения для многих из нас являлись главными и помогали интуитивному пониманию, что есть «добро», а что «зло». Что касается «официоза», то он имел как зловещие, так и комические стороны. Правда, в разные периоды доля тех и других была различной. Помню, например, что комсорги регулярно передавали в партийную организацию информацию о проделанной работе в группах. Однажды Паша Коваль, собирающий такие отчеты, затребовал отчет у меня. Мне показалось, что я его уже давала, о чем сообщила Паше. Как оказалось, я ошиблась, но на ошибку никто не отреагировал. Вначале мне было стыдно, что вроде бы соврала, но затем я воспользовалась этим и в последующем на вопрос о том, сдала ли я отчет, отвечала утвердительно. Таким образом я освободилась от бессмысленного бюрократического бремени. Аналогичных способов «ускользания» от «советского официоза» и тогда, и в последующем было немало.

Чем вы занимались после окончания университета? Как складывалась служебная карьера?

Университет я закончила в 1953 году — в год смерти Сталина. Муж, Курчиков Леонид Николаевич, завершивший учебу на нашем факультете двумя годами раньше, учился в аспирантуре. Мы решили после ее окончания переехать куда-нибудь на юг, по которому я тосковала. Год нужно было «пересидеть» в Ленинграде, и я согласилась на предложение поработать в должности зав. кабинетом общественных наук 1-го педагогического института иностранных языков. Работа там пошла на пользу: я занималась английским, имела немного преподавательских часов, но наибольший интерес вызвало другое — работа в архивах жандармского управления, которую я выполняла в качестве помощи своей заведующей кафедрой, готовящей диссертацию по предреволюционному периоду России. Опять пришлось окунуться в тот мир, который интересовал меня, когда я была школьницей. В архивных документах, в личных делах опальных деятелей интересующие меня события оживали, будили воображение. Это тоже стало хорошей школой, которая усиливала симпатии и доброе отношение к «борцам за справедливость».

Летом 1954 года мы уехали в Одессу по месту назначения мужа. Там тяжело заболел двухлетний сын, и год я провалялась с ним в больницах. С сентября 1955 года по настоящее время (с пятилетним перерывом, когда для проведения социологических исследований на промышленных предприятиях перешла в Институт экономики) я работаю в Одесском университете, старейшем высшем учебном заведении: бывшем Новороссийском, потом Государственном, а теперь Национальном. Я прошла здесь все ступени университетской карьеры: старший лаборант, ассистент, старший преподаватель, доцент, профессор, заведующий кафедрой. Учитывая тему моей дипломной работы, мне поручили ведение семинаров, а потом и чтение лекций по диалектическому материализму на физическом и математическом факультетах. И хоть это не вполне соответствовало моим первоначальным интересам, работа приносила удовлетворение. Студенты этих факультетов были самыми сильными и живо интересовались философскими и общественными проблемами. Они ничего не принимали на веру, постоянно заставляли меня размышлять, искать аргументы, отказываться от того, что не могла доказать. Впоследствии мне приходилось работать практически на всех факультетах, и ближе всего оказались историки, при работе с которыми я в наибольшей

степени реализовала свой интерес; это и привело, в конечном счете, к занятию социологией.

Замечу также, что мой трудовой путь начался в период «оттепели» и я не испытывала страха перед возможными обвинениями в инакомыслии, не видела необходимости в том, чтобы постоянно соразмерять свои действия с мнением руководства того или иного уровня. Был даже такой факт: перед очередным Всесоюзным совещанием заведующих кафедрами общественных наук, которые проводил ЦК КПСС, к нам нагрянула комиссия. Побывали на лекции и у меня. Проверяющий меня похвалил, замечаний не было. Совещание проходило во время зимних каникул, и я вместе с мужем, участником этого совещания, поехала в Москву, чтобы поработать в «Ленинке». От мужа узнала, что я попала в основной доклад Суслова в качестве отрицательного примера. Говорилось о том, что по-прежнему «не изживается культ Сталина», и подтверждением этого, как отмечалось в докладе, было использование в лекции категорий «эволюции» и «революции». На следующий день я проникла на совещание и в конце очередного заседания, не спросив разрешения, вышла на сцену. Заставив уже поднимающихся к выходу участников слушать меня, я сказала: «Товарищи, остановитесь! То, что произошло со мной, может случиться с каждым из вас!» Я рассказала, как было дело, и закончила так: «Этот случай свидетельствует о том, что у нас по-прежнему царит произвол и что используются те же методы, что и при культе...» В результате передо мной извинялись представители ЦК, а потом, когда приехала домой, — в Одесском обкоме партии. Впоследствии я разыскала «проверяющего» (это был один из известных сотрудников философского факультета МГУ, фамилию которого не называю). Он очень был растерян и уверял, что его оценку моей лекции извратили, так как не хватало отрицательных примеров. Для меня, однако, важно было то, что я смогла защитить себя и впоследствии никогда не боялась это делать. Если бы не этот шанс, то неизвестно, чем бы все кончилось, ведь на следующий день после доклада Суслова, когда я была еще в Москве, на кафедру пожаловала комиссия из ЦК КПУ, которая «переворошила» все имеющиеся тексты лекций и протоколы заседаний кафедры, вела допрос относительно того, что я собой представляю. Возможно, административные выводы последовали бы незамедлительно.

Но как все же вы пришли в социологию, когда это было?

Мой «приход» в социологию связан с именем Ю. А. Замошкина. Случайно мне попала его небольшая брошюра, которая, помнится, называлась «Психологическое направление в современной буржуазной социологии». Это было во второй половине 1950-х годов. И все последующие вояжи в Москву я совмещала с поисками англоязычной литературы на эту тему. Я читала все, что было в открытом доступе, начав с материалов III и IV Международных социологических конгрессов, а затем работ Е. Богардуса, Т. Парсонса, П. Сорокина, Г. Ландберга, М. Макивера, социальных психологов У. Спротта, Г. Мерфи, М. Шерифа и других, знакомилась со статьями, помещенными в доступных социологических журналах. Позже, получив соответствующее разрешение, я много работала в спецхране. Чтение было бессистемным и нецеленаправленным. Несколько «подковавшись», решила все же писать кандидатскую диссертацию, которую защитила на философском факультете МГУ в феврале 1961 года. Диссертация называлась «Психологизм как характерная черта современной американской социологии». Моим научным руководителем был Теодор Ильич Ойзерман. Он оперативно прочитывал и правил мои «опусы», а текст автореферата, наполовину сокращенный и отредактированный, вернул на следующий же день. В ответ на слова благодарности, он сказал: «Я всегда самую неприятную работу выполняю в первую очередь». Такие реплики действовали отрезвляюще. В «Вестнике МГУ» в 1960 году была напечатана моя статья «Место и роль социальной психологии в американской социологии». Как говорил мне Ю. А. Замошкин, статью перевели и опубликовали в одном из американских сборников, знакомящих американских социологов с работами советских авторов. Сейчас мне, конечно, ясно, сколь незрелыми и наивными были мои изыскания, как не хватало знаний для того, чтобы сделать в достаточной степени обоснованные заключения. В свое оправдание скажу следующее: во-первых, мне совершенно самостоятельно приходилось разбираться в этом материале. Ничего заслуживающего внимания в этом плане в нашей литературе еще не было, если не считать работы И. С. Кона «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли», вышедшей в 1959 году и лишь косвенно имевшей отношение к интересовавшей меня проблематике. Книгу «Современная социологическая теория» Беккера и Боскова издали у нас в 1961 году уже после моей защиты. Во-вторых, я все же пришла к правильному заключению, что психо-

логизм, а точнее «социал-психологизм», был в то время характерной чертой американской социологии, связанной с другой ее особенностью — эмпиризмом. В 1965 году с этим моим утверждением согласилась Г. М. Андреева в книге, посвященной анализу западной эмпирической социологии. Сейчас я с удовлетворением нахожу соответствующие моей позиции утверждения о психологизме американской социологии (например, у П. Штомпки в его «Социологии социальных изменений»). И, наконец, думаю, что мне удалось также уяснить, на какой социальной почве произрастает «социологический психологизм»: речь шла о крахе доктрины *laisser faire, laisser passer* и становлении широко трактуемого социал-реформизма. Размышления на эту тему изложила в статье, помещенной в «Вопросах философии» (1961 г., № 3).

Что касается критики, то она была направлена на то, на что указал И. Кон в своей творческой биографии, имея в виду советскую социологию 1970-х годов: трагические социально-политические коллизии переводились в более гладкую и безопасную плоскость социальной психологии и этики. Эта версия применительно к американской социологии мне казалась тогда вполне убедительной. Однако в некотором смысле некорректность моей критики состояла в том, что я не разграничивала в достаточной степени саму социальную психологию как научную дисциплину и абсолютизацию ее принципов и подходов. Впоследствии Галя Антипина и Алик Баранов высказывали мне свое неприятие такой позиции. «Невнятность» моей точки зрения стала особенно заметна, когда начался процесс становления отечественной социальной психологии.

Критиковал меня и В. Н. Шубкин за мое отношение к эмпиризму и математизации социологии. Правда, в известной мере «невнятность» моей позиции на этот счет была усугублена редакторской правкой (речь идет о брошюре, выпущенной издательством «Знание» в 1964 году). Правка состояла в том, что с помощью словечек «якобы», «как будто» старались усилить идеологическую направленность текста. Замечу, что после этого неудачного опыта я никогда не имела дело с издательствами популяризаторского идеологического характера. Необходимо учитывать и то, что в период, когда мы только осваивали эмпирические методы и находились на том этапе, который американская социология прошла еще в 1920-х годах, критика эмпиризма вызывала вполне естественное неприятие. Замечу также, что моя позиция, как и позиция Г. М. Андреевой, выраженная в ее

книге, вполне соответствовала тому, как относились в тот период к формализованным, математическим упражнениям гуманитарно-ориентированные западные социологи, и в частности П. Сорокин. С его работой «Fads and foibles in modern sociology» я познакомилась в конце 1950-х годов. В дальнейшем, как известно, критическое отношение к количественным методам нарастало в связи с отрицанием так называемого «сциентизма» и необходимостью решения задач «гуманизации», а точнее, «гуманитаризации» социологии. Что касается моей позиции, то и сейчас большим грехом социологии считаю жонглирование количественными данными без их серьезной содержательной интерпретации. Однако и мы должны были пережить этап этой погони за «надежными» методами, без которых, как выразился Гельмгольц, а затем повторил, ссылаясь на него, М. Вебер, работа исследователя превращается в дилетантизм.

Как развивались далее ваши взаимоотношения с социологией, существует ли преемственность ваших первых социологических опытов с тем, что вы делали потом?

Именно сейчас я осознаю, что первые впечатления от соприкосновения с социологией, несомненно, сказались на всей последующей работе. «Социалпсихологизм» впоследствии в моем сознании трансформировался в «ценностно-нормативный подход» и привел к необходимости уяснить роль знаков, символов в человеческом поведении, их функции в общественных системах, пределы и возможности «ценностно-нормативного регулирования». Данной трансформации моих интересов способствовали и внешние обстоятельства.

С 1964 года нашей кафедрой стал заведовать Авенир Иванович Уемов — логик, системщик, только что защитивший докторскую диссертацию в МГУ. Авенир Иванович внес свежую струю в нашу «провинциальную» жизнь (хотя одесситы, замечу попутно, никогда не считали себя провинциалами). Я, как и многие члены кафедры, увлеклась «системами»: мы слушали «системные» лекции, читали соответствующую литературу, общались с приезжавшими к нам «системщиками». Мне же Авенир Иванович к 8 марта преподнес стихотворение, которое начиналось так: «Нынче Вам дается тема — «Социальная система»...» Знакомство с системным подходом дало возможность понять: то, что я называла «психологизмом», есть лишь определенный способ «задания» общества, определенный угол зрения, под которым оно рассматривается, а главное — объясняется. С этих позиций, ис-

пользуя «уемовское» понятие «системообразующее свойство», постаралась проанализировать концепцию Т. Парсонса, о чем доложила на Симпозиуме по структурно-функциональному анализу в Кяярику (Эстония), а также написала в статье «Системный анализ в социологии и проблема ценностей» («Вопросы философии», 1968 г., № 5). Здесь и охарактеризовала так называемый ценностно-нормативный подход, затем широко применяла данное понятие при анализе самых различных проблем социологии: социальной структуры, легитимации, мотивации, социального контроля, идеологий и др.

Впоследствии, в методологическом разделе учебника «Введение в специальность», рассмотрение общества под определенным углом зрения я назвала «методологической стратегией», которая может быть сходной при макро- и микроподходе к общественным явлениям и которая обуславливает содержание основных базовых категорий: социальная система, социальные отношения, социальное взаимодействие, социальное действие и, прежде всего, само понимание «социального». Углубление моих представлений в этом направлении привело к необходимости определить особенность марксистской социологической стратегии, которую в последующем охарактеризовала в статье «Был ли Маркс социологом» как «объективно-предметную» методологию (Социологический журнал, 1995 г., № 3). Значительно позднее в статье, посвященной 120-летию со дня смерти Маркса и опубликованной в украинском журнале «Социология: теория, методы, маркетинг» (2003, № 2), для определения специфики «объективно-предметной», или «предметно-практической», методологии я использовала понятие «парадигмы», назвав статью «Судьба одной социологической парадигмы».

В этой связи вспоминаю, что, придя как-то домой к Галине Михайловне Андреевой, я нашла ее озабоченной следующим: она, по ее словам, занималась выяснением того, кто придумал термин «исторический материализм» и обозначил им ту совокупность проблем, которые входили в учебный курс под этим названием. По ее мнению, этот термин не вполне адекватно характеризует содержание курса, который предписано было читать в вузах и который, как мы помним, выдавался одно время за марксистскую общесоциологическую теорию.

Уже позже, работая над статьей в связи с 120-летием со дня смерти К. Маркса, я «набрела» в первом выпуске «Sociologos» на интересную критику Ю. Л. Качановым «цитатной науки», представители кото-

рой базовой абстракцией марксистской социологии считают «материалистическое понимание истории». На самом деле, по его мнению, речь должна идти об определенном концептуальном представлении общества. Именно «концептуальное представление общества», как казалось и мне, должно учитываться при постановке тех или иных задач конкретного исследования, а также при интерпретации эмпирических данных. Каждое «концептуальное представление общества» заключает в себе те или иные возможности, и это необходимо учитывать при анализе первичной информации. Мне очень хотелось «опробовать» эти мои заключения, разобраться в том, работают ли они в конкретном материале.

Какие возможности реализовать эти стремления у вас были, что привело к тому, что вы стали заниматься прикладной социологией? С какими трудностями столкнулись и что помогло их преодолевать?

Реализовать это стремление было не так-то просто. Во-первых, из-за загруженности преподавательской работой. Во-вторых, прецедента (опыта проведения эмпирических исследований) в Одессе в тот период не имелось, да и не было необходимых для этого источников финансирования. Возможность проведения эмпирических исследований появилась у нас после 1966 года, когда началось движение, связанное с социальным планированием на промышленных предприятиях. Движение это сыграло неоднозначную роль в советской социологии. Но несомненно то, что в конце 1960-х оно явилось фактором, способствовавшим ее становлению и развитию. Этим не преминули воспользоваться и мы, начав вести переговоры о заключении хозяйственного договора на различных промышленных предприятиях. Помогали нам киевляне, образовавшие к этому времени в Институте философии Академии наук Украины особый сектор, занимавшийся конкретными социологическими исследованиями. Возглавлял его Вилен Филиппович Черноволенко, замечательный человек, вдумчивый исследователь, много сделавший для развития социологии на Украине.

Признаюсь, что мы не очень были подготовлены к этой работе. Но был уже первый аспирант — А. Яценко, который взял диссертационную тему по трудовым отношениям и занялся организацией исследования. Благодаря заключенному хозяйственному договору мы могли иметь оплачиваемый вспомогательный персонал, привлекать для опросов студентов различных факультетов, в частности математиков, которые

помогли сформировать массив данных и обчитать их. А главное — мы учились получать «первичную информацию», овладевали новыми для нас методами. Вот тогда я и осознала в полной мере, что было корректным, а что излишеством в моих атаках на эмпиризм. Считаю, что свою вину я искупила, затратив впоследствии много сил и времени на проведение масштабных эмпирических исследований. Помню также, что ошеломляющее впечатление произвело на меня общение с рабочими непосредственно в цехах, их доверительное и доброжелательное отношение к нам, возможность выяснить нечто такое, что оказывалось неизвестным для руководства предприятия. Мы вступали в какую-то совершенно другую жизнь, нам малоизвестную, и это было чрезвычайно интересно. Это частично помогало преодолевать трудности.

Важно иметь в виду также, что наши первые шаги делались в условиях, когда «конкретная», или, как ее называли тогда, «прикладная», социология уже завоевывала позиции в советской действительности. Ко времени нашего «выхода» на промышленные предприятия было сделано немало, и мы были в курсе происходящего на общем «социологическом фронте». Я часто приезжала в Москву и в Ленинград, знала об исследованиях, проводимых сектором Г. Осипова, с сотрудниками которого неоднократно общалась (еще тогда, когда они размещались на Волхонке, и потом, когда переместились на Писцовую). В тот период и в дальнейшем я (а потом и члены нашей социологической группы) поддерживала тесную связь с ленинградской лабораторией В. Ядова и А. Здравомыслова. В поле нашего зрения были и опросы Института изучения общественного мнения при «Комсомольской правде», проводимые под руководством Б. Грушина. С ним я тоже была лично знакома и даже написала рецензию на его работу «Очерки логики исторического исследования» (совместно с одесским профессором-историком К. Петряевым). Рецензия опубликована в «Вопросах истории» (1963, № 6). На симпозиуме, посвященном структурно-функциональному анализу, в Кяряику (1968 г.) через Инну Рывкину я познакомилась с новосибирцами и в дальнейшем продолжала поддерживать с ними связь. Кстати, об этом симпозиуме мне сказал Ю. А. Левада, когда узнал, что я интересуюсь применением системных представлений к решению социологических задач. Помню, что именно на этом симпозиуме мы ждали сообщения об организации Института конкретных социальных исследований, распевая ночью под гитару песни, и ликовали, когда узнали о положительном решении.

Без этого постоянного творческого общения, стремления изучать «реальную жизнь как она есть» мы вряд ли решились бы выйти из студенческих аудиторий и погрузиться в атмосферу жизни предприятий и рабочих коллективов.

Непосредственное общение с интересными людьми способствовало расширению нашего интеллектуального кругозора. Приезжая в Москву, я непременно посещала и семинары Ю. Левады, и семинар Г. Щедровицкого. Помню, один из этих семинаров проходил, если не ошибаюсь, на квартире Щедровицкого (где-то в районе Речного вокзала). Он запомнился мне еще тем, что Галя Беляева рассказывала, какое удовольствие получает от чтения работ Т. Парсонса и знакомства со структурно-функциональным анализом. Юра Левада был нашим кумиром. Все, что он говорил, казалось значительным и важным. «Разгром» впоследствии его лекций был воспринят мною не только с возмущением, но и с недоумением. Я не считала, что там была представлена какая-то особая позиция, которая заслуживала критики либо просто серьезного анализа. Я рассматривала эти лекции как популяризацию элементарных социологических представлений. Гораздо больше я ценила его «Социологию религии», а еще более мне нравилась статья об Альберте Швейцере, которая, если не ошибаюсь, была опубликована в «Вопросах философии».

В эти годы я продолжала активно общаться с Ю. Замошкиным. Как правило, наши беседы проходили совместно с Эрихом Соловьевым, работавшим тогда в редакции «Вопросов философии». В одной из бесед, которая проходила, как мне помнится, в присутствии М. Мамардашвили, речь шла о телеологическом характере марксовской концепции общественного развития. (Впоследствии у Г. Х. фон Вригта нашла утверждение о том, что для Маркса при явном каузализме характерен скрытый телеологизм.) Помню также, что в другой беседе мы пришли и к такому заключению: марксистская концепция вообще неэффективна для выявления факторов, способствующих сохранению имеющихся структур и поддержанию равновесия общества, ибо она по своей сути носит социально-критический характер. Ю. Замошкин много рассказывал также о международных социологических конгрессах, участником которых он был, а также о своих впечатлениях от довольно длительного присутствия в Америке и общения с американскими коллегами.

Одновременно происходил и процесс становления моей гражданской позиции, что было не менее важно для социологическо-

го определения. Естественно, XX съезд и последующие события в культурной жизни первой половины 1960-х годов были значимы для всех нас. Но для меня особую роль сыграло общение с Роем Медведевым, с которым мы в эти и в последующие годы дружили семьями. У него я познакомилась с машинописными работами Солженицына и Сахарова, от него много слышала о Твардовском. Обсуждали мы и различные события, связанные с историей большевизма, которые ранее были мне неизвестны. Совершенно потрясающее впечатление на меня произвела книга Роя «К суду истории», которую прочла в один из приездов в Москву, остановившись у них. Книга была издана иностранным издательством на английском языке. Поскольку днем времени не было, читала ее ночами. И до сих пор помню то жуткое впечатление, которое произвели на меня приведенные в книге факты. Все, что читала в дальнейшем по данной теме, расширяло и углубляло мои познания об этом страшном времени, но такого ошеломляющего воздействия уже не производило. Однозначное отношение к репрессиям и тому, что называют преступлениями сталинизма, определились уже тогда.

Занятия конкретной социологией вы по-прежнему продолжали совмещать с преподаванием философии?

До 1970 года — да. Но этот год стал решающим в моей творческой биографии. В Одессе организовывалось Отделение Института экономики Академии наук Украины. Мне предложили перейти туда для организации сектора социологических исследований. Я решила покинуть Университет и полностью посвятить себя исследованиям на промышленных предприятиях. Практически все сотрудники данного сектора были моими бывшими студентами. Это были историки, эконом-географы, математики и филологи. Всем им предстояло стать социологами. Замечу, что мы удачно дополняли друг друга. Сложилось целесообразное разделение труда. Специальные знания, направленность интересов и характер способностей каждого удачно сочетались. И сейчас уверена, что работа в социологии возможна лишь в таких коллективах. Наши математики знакомили нас с элементарными понятиями теории вероятности и информатики, параллельно осваивая социологические представления и понятия. Все вместе мы расширяли наше знакомство с методами эмпирического исследования, максимально используя самые различные возможности, перенимая опыт других групп, а также осваивая уже имеющуюся

на этот счет литературу. К этому времени уже вышли «Количественные методы в социологии», «Методология и техника социологического исследования» В. Ядова, «Методология и процедура социологических исследований» А. Здравомыслова. Неоценимую помощь в нашей работе оказала книга «Человек и его работа», которая стала для нас настольной. Внимательно изучали мы Информационные бюллетени ССА, которых к 1970-м годам, если не ошибаюсь, вышло несколько десятков. Основную работу по овладению количественными методами исследования и осуществлению контроля за корректностью их применения взял на себя В. С. Максименко, который по базовому образованию был физиком-теоретиком, затем преподавал математику. В период работы с физиками знала его как отличного студента, живо интересующегося гуманитарными проблемами, вопросами искусства. Решилась поэтому пригласить на работу в сектор. Он согласился, и оказался чрезвычайно полезным членом нашего коллектива.

Работа сектора, который затем был преобразован в отдел социологических проблем управления, сосредоточивалась на исследованиях трудовых отношений на судоремонтных заводах и в морских портах. Постепенно мы охватили все судоремонтные заводы Советского Союза и вышли непосредственно на Министерство морского флота СССР, согласовывая с ним проекты наших исследований. Сотрудничали также с управлением «Черномортехфлота». Среди прикладных задач, которые мы перед собой ставили, была, например, и такая: как влияет месторасположение предприятий одной и той же отрасли на социальные (субъективные и объективные) характеристики различных групп работников. Такую задачу мы могли поставить, так как судоремонтные заводы располагались в самых различных регионах и поселениях разных типов (крупных, средних и поселках городского типа). Данную задачу мы закрепили за Галей Бессокирной, тоже моей бывшей студенткой, пришедшей к нам с дипломом «эконом-географа». Работа как раз была по ее профилю, и анализ 29 предприятий дал возможность получить неизвестные ранее данные. Разрабатывали мы и такие проблемы, как производственная осведомленность в системе регулирования трудовой деятельности (А. В. Шишова), производственная демократия, содержание труда как стимул трудовой деятельности (М. Кунявский), внутреннее и внешнее движение кадров (В. Попович) и др. При этом мы, как правило, приходили к новым заключениям. Уже в 1973

году вышла наша первая коллективная монография «Социальные проблемы регулирования на промышленных предприятиях» (Киев, «Наукова думка»).

Сейчас удивляюсь, как много мы тогда сделали, вторгаясь в практическую жизнь производственных коллективов. Мы принимали активное участие во всевозможных заседаниях: дирекции, партийного актива, начальников цехов и участков. Рассказывали о наших результатах, которые, судя по реакции производственников, были им интересны, а порой являлись источником получения неожиданной информации о коллективе, о котором вроде бы знали все. Рабочие, вопреки легенде о «несвободе в условиях тоталитарного строя», давали порой нелицеприятные оценки действиям руководства, не стеснясь и не тревожась о последствиях, зная, что без работы они не останутся, а главное — вносили дельные предложения для совершенствования работы предприятия. Осваивать новые для нас проблемы производственных коллективов помогало и то, что мы работали в окружении экономистов, готовых проконсультировать нас по смежным с социологическими экономическим проблемам. К нам со вниманием и почтением стали относиться партийные органы, приглашая выступить на различных партийно-хозяйственных активах и конференциях. Все это способствовало пробуждению интереса к нашим исследованиям и к социологии в целом.

Вы полностью погрузились в прикладную социологию и перестали интересоваться теоретическими проблемами? Сказывались ли ваши предшествующие размышления на тех исследованиях, которые проводились в производственных коллективах?

Не просто сказывались, а были неразрывно связаны с ними. В проект исследований в производственных коллективах с самого начала заложили решение ряда теоретических задач, а полученные эмпирические данные интерпретировались в соответствии с отчасти сложившимися у меня теоретическими представлениями. В центре внимания были значимость для практического поведения субъективной сферы, ценностных представлений, вербализованного сознания, а также связь того и другого с непосредственными условиями жизнедеятельности. Поэтому с самого начала предполагалась возможность измерения переменных, относящихся к четырем блокам: условия и организация труда, а также различные функциональные характеристики работников, информированность о делах предприятия, цен-

ностные представления (оценки и ориентации различного рода) и, наконец, «фактическое поведение (объективные показатели в работе, внутреннее и внешнее движение кадров). Используя самые различные методы сбора информации, предполагающие не только разного рода опросы, но и анализ документации (личных карточек работающих и уволенных, данных бухгалтерии, текстов коллективных договоров и заводской многотиражки), объективные способы оценки условий труда различных групп работников, тестирование и проч., мы имели возможность решать интересующие нас теоретические задачи. Мы, например, сопоставляли тестовую и самооценочную информированность, мотивы текучести и фактическое поведение после увольнения и др. Были выявлены ряд интересных особенностей функционирования ценностного сознания, а также высказаны сомнения в целесообразности использовать информацию о нем для прогнозирования поведения. Об этом и о многих других выявленных фактах я писала в своей докторской диссертации «Стимулирование трудовой деятельности как способ управления (социологический анализ)», а также в одноименной монографии (Киев, 1976).

Позже, в 1980-х годах, располагая уже значительно большим запасом эмпирических данных, мы вернулись к тем же теоретическим проблемам. Осуществив вторичный анализ имеющихся данных, мы изложили его результаты в книге «Сознание и трудовая деятельность» (Киев, 1985), сопроводив название подзаголовком, который более точно характеризовал интересующие нас проблемы: «Ценностные аспекты сознания, вербальное и фактическое поведение в сфере труда». Книга была написана в основном мной и В. Б. Моиним, который вообще сыграл большую роль в разработке интересующих нас теоретических проблем. Ранее я знала его как способного студента-историка, явно склонного к теоретическому анализу. Направление наших мыслей было сходным, хотя не всегда совпадали позиции. Но именно это, очевидно, и было ценным для нас обоих. В 1978 году В. Б. Моин защитил в Минске кандидатскую диссертацию на тему «Словесная информация как источник данных о субъективных факторах трудовой деятельности». Тема эта продолжает волновать меня и сейчас, однако в более широком «формате», ибо словесная информация, как известно, является преимущественным источником данных не только о субъективных, но и об объективных факторах любой деятельности.

Где, когда и по какой специальности вы защитили докторскую диссертацию? Были ли какие-либо сложности с защитой?

С диссертацией было непросто. Вначале (это было в 1975 году) я обратилась в Институт философии АН УССР, в отдел исторического материализма, так как среди занимающихся социологическими исследованиями на Украине тогда не было ни одного доктора. Возглавлявший отдел В. И. Куценко работу отверг, сославшись на то, что в ней нет, как он сказал, «формационного подхода», то есть не показано «коренное отличие социалистической формации от...». Решила обратиться в ИКСИ. Тогда еще там был В. А. Ядов, который и представил мою работу. М. Н. Руткевич встретил меня очень любезно, но, как стало мне понятно позже, решил ее не пропускать (возможно, потому, что связал меня с Ядовым, против которого уже принимались дискредитирующие меры, в конечном счете приведшие к его уходу из Института). Работу отдали на отзыв сотрудникам, на которых, как, очевидно, предполагал Михаил Николаевич, он мог положиться. Не называю фамилии тех, кто «успешно» справился с задачей. Благодарно ко мне отнесся В. Шляпентох, но помочь тогда не смог. Исключительно благородно повел себя В. Д. Патрушев, давший не просто положительное заключение на диссертацию, но постоянно поддерживавший меня в этот крайне трудный период.

Мое душевное состояние осложняло еще одно обстоятельство, которое тогда не давало мне покоя. Моя работа вполне могла быть использована против В. Ядова, ибо основные ее результаты противоречили выводам, которые были сделаны в книге «Человек и его работа», и свидетельствовали о неправомерности рассматривать данные о ценностных представлениях как информацию о потребностях. «Пикантность» ситуации состояла в том, что во многом мы шли за «ядовцами» и в значительной степени пользовались их методиками, но обосновывали целесообразность совсем иной интерпретации полученных данных. При первом знакомстве с работой эта коллизия, очевидно, не была осознана в полной мере. Когда же над Ядовым сгустились тучи, выводы «в пику» были совсем некстати. На этот счет у меня состоялось объяснение с Володей, после которого мы продолжали поддерживать деловые контакты и дружеские отношения. К счастью, М. Н. Руткевич не прочитал тогда моей работы и к отставке Ядова я не имела никакого отношения. В дальнейшем именно Ядов сообщил мне, что открылась защита по «прикладной социологии» в Ленинградском университете и способствовал защите моей доктор-

ской, которая состоялась в 1976 году. Официальными оппонентами были Г. М. Андреева, В. Г. Подмарков, С. А. Кугель. Я стала первым на Украине доктором по прикладной социологии и вторым, как узнала позже, — в Союзе.

Что было потом? Удалось ли поддерживать достигнутый уровень? Ведь в социологических кругах бытует мнение, что в середине 1970-х годов «золотой век» сменился «серостью», а социология стала использоваться преимущественно с манипуляторской целью.

Действительно, распространение социологии «вширь», стремление к манипулированию социологическими данными и дефицит грамотных социологов — все это сыграло отрицательную роль в судьбе советской социологии 1970-х годов. Непосредственно коснулось это и нас, чему способствовали некоторые обстоятельства. Стремясь максимально освободиться от чисто организаторских функций, а особенно от общения с партийными органами, я приложила усилия для того, чтобы пригласить к нам человека, подходящего для выполнения этих функций. Как нам показалось, таким человеком мог стать В. В. Панюков, бывший у нас на одной из научно-практических конференций и изъявивший желание переехать из Новосибирска в Одессу. Для нас много значил авторитет новосибирской школы, к которой, как потом выяснилось, наш протеже не имел никакого отношения. Действительно, Панюков быстро вошел в контакт (слишком тесный, надо сказать) с партийными органами, а главное — смело и напористо брался за работу, которая имела очень отдаленное отношение к исследованию вообще, а также и к социологии. Скоро мне стало понятно, что этот авантюризм вполне устраивал дирекцию Института, а моя позиция выглядела ретроградством. Полноценная работа стала невозможной, я добровольно покинула Институт экономики.

В 1975 году я вернулась в Университет на должность профессора кафедры философии гуманитарных факультетов, через два года стала заведующей этой кафедрой. Вместе со мной в Университет перешли заинтересованные и работоспособные сотрудники, образовавшие научно-исследовательскую группу при кафедре. Мы заключили новые договоры с Минморфлотом для исследования социальных проблем совмещения рабочих профессий на предприятиях ММФ, а также для изучения социальной эффективности коллективных форм организации труда на судоремонтных предприятиях. Со временем группа пополнилась выпускниками нашего универ-

ситета, которые ранее работали в научном кружке либо принимали участие в наших исследованиях, выполняя посильную работу. Одновременно у нас был договор с Министерством судостроительной промышленности, с которым мы были связаны через Центр НОТ «Темп», располагавшийся в Херсоне. Охват обследуемых нами судостроительных предприятий был широким — около 15 предприятий. Моим коллегам приходилось бывать даже на Дальнем Востоке и Южном Сахалине. В результате сотрудничества с этим Министерством, а также длительного сотрудничества с Минморфлотом, к середине 1980-х годов был создан «Фонд методического обеспечения оперативной социологической работы на предприятии», который содержал 25 методик.

Возвращаясь к вопросу о «серости» социологических исследований середины 1970-х и далее, скажу, что с этим можно согласиться лишь с известными оговорками. Мне кажется, что такие оценки обусловлены тем, что во внимание принималась преимущественно столетняя социология, которая особенно была подвержена давлению «сверху» и чувствительна к очередным колебаниям официальной линии партии. Много, как свидетельствовал и наш опыт, зависело и от самих социологов, их готовности идти на компромиссы и извлекать из этого личную, сугубо прагматичную пользу (например, сделать карьеру). На периферии запросы были меньше, да и инерция почтительного отношения к социологии со стороны властных структур более устойчивой. Мы, например, не подвергались особому давлению и были свободны в своем выборе и исследовательских пристрастиях. Все 1970-е годы и позже работали с интересом и вполне эффективно. Да не только мы. Многие «периферийные» группы работали весьма успешно, на достаточно высоком уровне. Из тех, кто не был тогда «на слуху», назову, например, куйбышевских (самарских) социологов. Побывав у них, познакомившись, в частности, с Б. Г. Тукумцевым, нашла там много интересного и полезного для нас.

Во второй половине 1970-х годов и первой половине 1980-х в Одессе на базе Университета работал постоянный городской семинар по социологии. Он пользовался популярностью у преподавателей различных общественных дисциплин, которые выполняли хозрасчетную работу на предприятиях, связанную с социальным планированием, а также у сотрудников немногочисленных социологических служб, которые уже имелись на отдельных промышленных предприятиях. Тематика была самая различная. Помню, что обсуждались работы

классиков социологии, к примеру, М. Вебера и Э. Дюркгейма, а также различные проблемы теоретической и прикладной социологии.

Обсуждения проходили живо и заинтересованно, посещение семинаров было сугубо добровольным.

В это время мы продолжили тесно сотрудничать с В. Ядовым, перешедшим опять в ИКСИ, а также с Н. И. Лапиным и его сотрудниками, особенно Н. Ф. Наумовой, Э. М. Коржевой, А. И. Пригожиным, работавшими тогда в Институте системного анализа. Тесные деловые контакты мы поддерживали с В. В. Пациорковским, работавшим в ЦЭМИ, куда перешел и Ю. А. Левада. Помню, что присутствовала там на нескольких семинарах, принимала участие в конференции, проводившейся ЦЭМИ в Цахкадзоре (близ Еревана) в 1983 году. Примерно в эти же (или чуть позже) годы, наконец, выбралась в Новосибирский Академический городок, получив большое удовлетворение от общения с Р. В. Рывкиной и З. В. Куприяновой. С последней была знакома лишь заочно по ее работам, посвященным текучести кадров. С Т. И. Заславской познакомилась ближе значительно позже, в послеперестроечный период, приехав на конференцию в Харьков. На квартире у Е. А. Якубы мы провели много интереснейших дружеских бесед о перестроечном времени, говорили о том, что это время значило для социологов. С очень теплыми чувствами всегда вспоминаю это наше тесное общение.

Продолжалось ли в то время ваше сотрудничество с украинскими социологами? Какой характер оно носило?

Сотрудничество было очень тесным. К этому времени в Институте философии было уже три социологических отдела, на базе которых впоследствии создали Институт социологии АН Украины. В наибольшей степени мы контактировали с отделом В. Ф. Черноволенко, о котором рассказывала выше. Постоянно общались с В. Л. Оссовским, В. И. Паниотто, С. А. Макеевым, Е. И. Головахой и др. Тесные контакты мы имели с харьковскими социологами. С их руководителем — Е. А. Якубой, о которой я уже упоминала и которая была зачинателем движения за введение социологического образования на Украине, и в частности в ХГУ, долгие годы я поддерживала тесную дружбу. Именно с ней мы совершали «налеты» на различные кабинеты в Министерстве высшего и среднего специального образования Украины, а также ЦК КПУ, пытаюсь повернуть различные должностные персоны лицом к социологии. Нужно сказать, что отчасти нам это удавалось,

отношение к нам и к социологии было довольно-таки доброжелательным. Елена Александровна, благодаря исключительной своей энергии и настойчивости, добилась большего, чем я: в Харькове при экономическом факультете было создано отделение социологии, преобразованное позже в самостоятельный факультет. Министерство выделило также бюджетное финансирование для организации учебной социологической лаборатории, правда, с крайне низкими ставками. Я не добивалась введения социологической специальности. Нам «цепляться» было не к чему: ни экономического, ни философского факультетов в структуре нашего университета не было. Я добивалась другого: бюджетного финансирования по линии Управления научно-техническими исследованиями (кажется, так оно называлось) Минвуза. Практики финансирования исследований по общественным наукам не было. Считалось, что «общественники» имеют дело лишь с литературой, им не требуется оборудования и прочих вещей, которые предполагают дополнительные затраты (такие аргументы приводили в Управлении). Длительные беседы с различными начальствующими лицами, и в частности в секторе общественных наук ЦК, привели к тому, что такое финансирование мы получили. Это дало нам возможность выйти за пределы промышленной тематики. Но наступили уже другие времена, перестроечные.

Как ощутили вы эти изменения? Считаете ли вы, что они положительно сказались на вашей работе?

Эти изменения не только значительно активизировали нас и придали силу. Они позволили заняться широким кругом интересовавших нас вопросов. Этот шаг мы давно пытались сделать. Поэтому, например, охотно согласились выполнить задание обкома КПУ — провести исследование в одном из сельских районов области (Красноокнянском) с целью получения информации, необходимой для составления плана социального развития района. Мы согласились при условии, что нам выделяют группу студентов (которую мы сами определяли и которая работала с нами в течение всего периода осенней поездки студентов в колхозы), активной помощи районных организаций. Мы опять-таки не ограничивались опросами, а знакомились с самыми различными документами и объективными данными. В результате выявили некоторые факты, которые не соответствовали представлениям районного руководства о положении дел, о чем потом доложили на совещании партийно-хозяйственного актива района.

Но в наибольшей степени мы имели возможность расширить нашу тематику, когда Минвуз Украины начал все же финансировать наши исследования. Вначале по теме «Исследование общественного мнения населения области по актуальным социально-экономическим проблемам как средство привлечения различных социальных групп к управлению» (1988—1989 гг.), а позже, в 1990—1991 гг., по теме «Этнополитические процессы в Южно-Украинском регионе». В этот период мы провели десятки областных анкетных и прессовых опросов, формализованных интервью, опросов экспертов, осуществляли анализ статданных и официальной документации. Недавно я вернулась к этим материалам, отобрала то, что, с моей точки зрения, наиболее интересно, учитывая дальнейшее развитие событий. Работа над книгой, названной мной «1989—1991 гг. Диагноз времени (историко-социологические очерки)», которую предполагается издать в этом году, была захватывающей. Вдумываясь в цифры и вчитываясь в прошлый материал именно в те дни, когда мы переживали «оранжевую» революцию, я еще и еще раз убеждалась, что история удивительным образом повторяется; вспоминала классические слова о том, что это происходит вначале в виде трагедии, а потом в виде фарса, а также о том, что история ничему нас не учит.

Говоря о работе в предперестроечный и перестроечный периоды, наверное, следует рассказать о моем участии в работе XI Всемирного социологического конгресса в 1986 году. Впечатление на меня произвела не только профессионально необходимая информация, но и та, которая дала возможность понять, что представляет собой наше социологическое сообщество, если оценить его с максимально близкого расстояния повседневного общения. В профессиональном отношении полезным для нас было сотрудничество с союзным тогда Институтом социологии, куда нас пригласили для участия в исследованиях в рамках программы «Человек, наука, общество» (в проекте В. А. Ядова).

Захватила нас и бурная общественная деятельность этого периода: мы интересовались и первыми кооперативами, и выборностью руководителей, и отношением населения ко всем сколько-нибудь значимым событиям. О результатах исследований мы сообщали не только в научных, но и в многочисленных газетных публикациях, готовили множество весьма объемных справок и аналитических записок для партийных и советских органов. В отделах обкома и облисполкома наши справки ждали и тиражировали на ротاپринте. Вот уж и не

знаю, кто от кого чувствовал зависимость. Нам рассказывали, что первый секретарь Одесского обкома внимательно ознакомился с нашими материалами и, отчеркивая наиболее заинтересовавшие его места, комментировал: «Вот здесь наши недоработки». Мы были связаны и с Центром социологических исследований ЦК КПУ¹, где работал бывший наш сотрудник — В. Головатюк, перебравшийся в Киев, и с социологической группой Верховной Рады Украины, которую возглавляли грамотные и уже достаточно опытные социологи Института философии — Матусевич и Оссовский. Мы были в гуще реальной, бурной жизни, старались по возможности оказывать на нее необходимое, как нам тогда казалось, воздействие, получая информацию о происходящих событиях. Сейчас я понимаю, сколь наивны мы тогда были, сколь переоценивали свои возможности влиять на происходящее. Можно утешать себя тем, что не только практическую ценность имел тот богатейший материал, которым мы владели. Мы представляли собой творческий коллектив, способный решать серьезные научные задачи. Но и эти возможности в значительной степени не реализовались, ибо обстоятельства сложились таким образом, что наш научный коллектив фактически прекратил свое существование.

С чем это связано? Какие научные проблемы интересуют вас сейчас и есть ли возможность их разрабатывать?

В это время распались многие научные коллективы. Все просто: несколько человек уехало из Одессы. Мои коллеги сейчас трудятся в Москве, Хайфе, разных городах США. Есть и такие, которые вообще перестали заниматься социологией. Оставшиеся преподают социологию и работают на той же кафедре, что и я. Такая возможность появилась в связи с созданием в 1991 году кафедры социологии и введением социологической специальности при вновь образованном Институте политологии и социального управления, который затем был преобразован в Институт социальных наук Одесского национального университета. На первых порах я разработала курсы «Введение в специальность» (по которому издан учебник), а также «Социология личности». Времени на исследование конкретных проблем оставалось все меньше. Парадокс состоит в том, что масштабы социологического образования значительно расширились, а возмож-

¹ Курировал Центр секретарь по идеологии ЦК КПУ, впоследствии ставший первым президентом Украины и продолжающий активно участвовать в политической жизни современной Украины в качестве одного из руководителей СДПУ(о).

ность проведения сколько-нибудь значимых научных исследований свелась практически к нулю. Причин этому немало. Но главное, я думаю, состоит в том, что отсутствует «социальный заказ», заинтересованность структур, которые могли бы финансировать серьезные социологические исследования. На Украине нет государственных научных фондов, которые выделяли бы на это средства. Управленческие структуры не интересуются информацией, которая на самом деле совершенно необходима для грамотного и оптимального в данных условиях решения многих чрезвычайно острых социальных проблем. Однако находятся колоссальные средства на многочисленные опросы и всевозможные технологии, используемые в период очередной предвыборной кампании с целью заполучить голоса «электората». В таких условиях не может быть качественной и подготовка социологов. При написании дипломов или диссертационных работ каждый в одиночку добывает доступную, носящую, как правило, ограниченный характер, информацию и делает весьма поверхностные, ни к чему не обязывающие обобщения.

Если не принимать во внимание необходимость руководить такого рода учебными работами, что заставляет все же вникать в различного рода конкретную проблематику, то можно сказать, что область моих интересов в настоящее время — преимущественно теоретико-методологические проблемы: социологической интерпретации, а точнее, взаимоотношения понимания и объяснения в социологическом исследовании, уместности использования той либо иной социологической парадигмы при решении научной задачи, а также поиска соответствующих исследовательских процедур. Эти мои интересы связаны с преподавательской работой, так как я сейчас читаю курс «Методология и логика научного исследования» для социологов-магистров. Вся предшествующая работа привела меня к необходимости разработать такой курс (вопреки словам П. Бурдьё о том, что методологией часто занимаются люди, которые не провели в своей жизни ни одного эмпирического исследования). По сути, меня по-прежнему интересует проблема, которая в том или ином виде волновала со времени прихода в социологию: человек на пересечении двух миров — объективного, предметно-вещественного, и субъективного, ценностно-символического, а главное, то, как сходятся эти два мира в преобразующей, практической деятельности человека. Эту коллизию вполне адекватно выразил Патрик Форд, размышлявший над тем, «как разумная и нормативно-структурированная социальная

жизнь может вписываться в мир объектов и причин», и считавший это одним из важнейших вопросов, которые принадлежат не только философии. Свои размышления на этот счет я попыталась представить в ряде статей, посвященных различным проблемам социологии, а также в книге «Повседневные идеологии, как они живут, меняются и исчезают» (Киев, 2000 г.), где использовала понятие «двойственность, амбивалентность жизненного опыта».

Гражданская же моя позиция пробуждает ностальгические воспоминания о том времени, когда социологи, как нам казалось, были нужны и имели возможность работать с полной отдачей, руководствуясь общественными интересами. Обидно ведь: как долго становились на ноги и как быстро разучились ходить.